

ЛИБЕРАЛИЗМ МЕЖДУ ЛИЧНОСТЬЮ И ЛИЧИНОЙ

Переход России от чрезвычайно специфических целей и идеологии построения социалистического и коммунистического общества на магистраль т.н. западного пути развития поставил ряд острых вопросов о содержании нашей общественной жизни. От ответов на эти вопросы зависит определение того, принадлежит ли российское общество одной «группе крови» с евро-американской цивилизацией и, соответственно, способно ли оно быть естественно интегрировано в мировые процессы, или же идеи «особого пути» и «третьего Рима» останутся довлеющими для нашего сознания и нашей жизни, вынося страну на крутых поворотах прогресса в очередные политические приключения.

Если в экономической сфере эти вопросы приобретают уже форму и конкретность *задач*, то в области, которую можно было бы широко обозначить как *культура социальных отношений*, они до сих пор находятся на стадии формулирования. Таков, в частности, сакраментальный вопрос о построении в России **гражданского общества**.

Под гражданским обществом понимается обычно система общественных взаимоотношений, обладающая тотальной правовой прозрачностью, максимально лояльная к своим субъектам, каковая лояльность основывается на сознательной ответственности граждан за свои действия. Центральным пунктом такой системы является принцип *свободы личности*, укоренённый в социальной памяти общества и служащий необходимой предпосылкой для культурно-политической интеграции.

В таком случае, отечественная действительность уже включает в себе сильнейшее противоречие. С одной стороны, в нынешних условиях

тотального государственного контроля вполне реально разработать такие структуры и механизмы, которые будут обеспечивать внешние условия, соответствующие принципам гражданского общества. С другой стороны, внутреннее насыщение подобных структур весьма проблематично, ибо наша вековая традиция состоит, скорее, в попрании личностной свободы, до сего времени не проявившей себя в качестве важнейшей общественной ценности. Не случайно один из ведущих социологов (Б.Дубин) провозгласил недавно тезис отсутствия в России *идеи личности*. Притом, по его мнению, что в любые времена у нас действовали целые плеяды выдающихся личностей, именно идея личности, предполагающая дифференциальный анализ общества как целого, не была ни сформулирована в гуманитарных теориях, ни, тем более, воплощена в культурной практике и не проникла глубоко в общественное сознание.

Таким образом, в современной России отсутствует необходимое (для соответствия лучшим мировым образцам) состояние свободы. Эта мысль вводит нас в проблематику российского либерализма.

Тут, прежде всего, нужно разграничить понятия *либерализма* и *демократии*. К сожалению, не только в разговорной речи, но и в политическом контексте они часто толкуются в самых произвольных значениях, то достигающих синонимичности, то удаляющихся на края семантического спектра. Было бы весьма полезно удерживать в фокусе мышления сущности этих понятий. Говоря очень кратко, демократия выражает форму, структуру общественно-политических отношений и может быть оценена с помощью индикаторов влияния индивидуума на общество. Либерализм же – понятие в большей степени содержательное, определяемое как количеством индивидуальных свобод, так и мерою их коллективной согласованности. Либерализм есть (или его нет) дух нации; и количественная оценка его требует изощрённых опосредованных социологических процедур, хотя качественная представляется эмпирически доступной. При тесной корреляции двух этих явлений, притом, что одно из них, как правило, даёт

толчок развитию другого, нет всё же ничего удивительного или, по крайней мере, необычного для нашей действительности в том, что демократические и либеральные тенденции зачастую вступают в непримиримые противоречия. Собственно, это и подтверждает формалистический характер российской демократии.

Итак, нас тут интересует оценка именно либерального потенциала российского общества как важнейшего показателя готовности последнего к развитию в магистральном направлении человеческой цивилизации. Политика есть та область, в которой смутные и хаотические явления общественной жизни выражаются хотя и с гротескной иногда, но всё же — определённой и полнотой, позволяя по себе судить о подводной части айсберга. Воспользуемся этим.

Расцвет либерализма в новейшей российской истории пришёлся на период 1989 — 1993 гг., между Первым Съездом народных депутатов и расстрелом Белого дома. Можно сказать, что в это время та самая *идея личности*, пусть во множестве разрозненных версий, получила общее признание, сформировав громадное количество различных инициатив, породив ряд тенденций, в несколько лет существенно преобразивших жизнь страны. Политический плюрализм дал, казалось, живые побеги; выступление с самой высокой трибуны могло быть *свободной* защитой собственного мнения. Но очень скоро всё изменилось. Сформировавшиеся парадигмы сделали свободное мнение объективно невозможным; и недавние либералы оказались перед выбором — принести свои принципы на алтарь государственности либо, формально отстаивая принципы, попасть под десницу оппозиционной парадигмы, постепенно выхолащивающей саму либеральную идею.

Обратимся к сегодняшней политической ситуации. То, что власть, не слишком затрудняя себя либеральной риторикой, действует в духе жёсткого патернализма, более напоминающего советское тоталитарное прошлое, нежели западную демократию, традиционно для российской власти, но не

может быть исчерпывающе объяснено прагматикой гомеостаза. На самом деле, это практическое признание – как политической элитой, так и поддерживающим её истеблишментом, так де-факто и народными массами – неготовности и неспособности российского общества к подлинной свободе. Но что и кто противостоит этому взгляду, этому определению судьбы? ЛДПР, формально провозглашающая либерализм краеугольным камнем своей политики, ни по комической одиозности своего лидера, ни по программе совершенно не соответствует своему названию, напоминая волка, рядящегося в личину либерализма. Другие партии ещё дальше от либеральных идей, кроме, пожалуй «Яблока», ориентированного именно на человеческую, личностную, подлинную жажду свободы. Но общественные «жизнь и судьба» этой жажды отражаются в перипетиях многострадальной партии, а те, в свою очередь, в личности её лидера, этого политического Пьеро, оставляя, в целом, жалкое впечатление. Вообще, проблема политического устройства России определяется не столько «самовластьем» власти, сколько неспособностью оппозиции выдвинуть хотя бы одного настоящего конкурента – ту подлинно свободную личность, в которой были бы воплощены либеральные чаяния общества. Но ведь это означает, что и чаяния эти находятся в подавленном редуцированном состоянии...

Отсюда два вопроса. Первый: были ли в истории российского либерализма эпизоды, служащие примером и дающие надежду на будущее? По мнению некоторых исследователей (например, В. Кожина), робкие зачатки либерализма, выражавшиеся в демократическом институте веча или в повторяющемся явлении киевских дуумвиратов, были искоренены уже Андреем Боголюбским, так что, пройдя горнило Ига, российская государственность стремительно эволюционировала в направлении деспотизма. Следовательно, ни о какой либеральной созидательности не могло быть и речи, и либерализм в России явился сразу в виде диссидентства – в лице другого Андрея, Курбского, с задачей отвоёвывания – но не последовательной естественной экспликации – свободы.

Восстание декабристов – трагическая попытка такого отвоёвывания, возможного лишь в форме бунта и не опирающегося на общественный договор, трагическая как для власти, так и для самого либерализма. Последнее наглядно проявилось полвека спустя, когда либерализм как толерантное, ответственное свободомыслие был высмеян даже и самими либералами по духу, такими, как Щедрин и Тургенев. В это время, чем-то напоминающее *наши* 90-е, центробежные тенденции превращали либералов либо в объективных реакционеров, либо вталкивали их в революционный процесс. Либерализм превращался в *личину*, и только единицам удавалось отстоять в нём – *личность*. Далее, ценнейший опыт *земства* оказался ничем не защищён перед паническим произволом власти.

И всё-таки развитие российского либерализма нашло свой главный практический выход в Государственной Думе. Нам хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что именно Дума оказалась инструментом, отрешившим от власти царизм. Во-первых, Дума в критические месяцы находилась, в общем, в состоянии консонанса с общественным мнением, «оформляя» и возглавляя последнее. Во-вторых, это ведь был процедурный вопрос, и то, что в России произошёл не военный или дворцовый переворот, а «мирная революция», было обеспечено этим недавно в крови и муках родившимся органом. Но исполнив свою роль борца против власти, либерализм очень быстро доказал свою неспособность к созиданию. В обществе не нашлось тех жизненных сил, которые питали бы политическую верхушку...

На этом история российского либерализма заканчивается... – чтобы начаться ли почти век спустя. И второй вопрос: есть ли в современном обществе те тенденции, которые позволят нам вырваться из бесконечного плена тоталитаризма, которые, пусть ещё незрелые сейчас, возобладают через десять, двадцать лет и позволят России стать внутренне свободной страной? Оставляем его открытым.